

МАЙЯ ФАР

ТЕРАПИЯ ДЛЯ
ДРАКОНА

Майя Фар

Терапия для дракона

«Автор»

2026

Фар М.

Терапия для дракона / М. Фар — «Автор», 2026

Я очнулась в другом мире, привязанной брачными узами к парализованному генералу-дракону, который меня ненавидит. Точнее, ненавидит свою бывшую жену. Но я врач-реабилитолог, и не таких «генералов» на ноги ставила. Вот только у прежней хозяйки этого тела были свои планы, и те, кто за ней стоит, не знают, что в её теле теперь я. Решительная героиня, не боящаяся трудностей. Мрачный немощный генерал-дракон. Тайны и интриги. Медицина (традиционная и не очень). Счастливый финал (для тех, кто заслуживает).

© Фар М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	34
Глава 16	36
Глава 17	38
Глава 18	40
Глава 19	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Майя Фар

Терапия для дракона

Глава 1

— Простите, ваше сиятельство, но боги не откликнулись сегодня.

— Так попробуйте ещё!

«Странный какой-то сон, — подумала я. — Какие-то мужские голоса. Боги». Особенно мне понравился второй мужской голос, такой прямо приятный. Бывают такие тембры, что что-то внутри откликается. Вот если бы ещё помягче говорил, а то нервный какой-то.

Первый голос между тем произнёс:

— Это невозможно, ваше сиятельство. Ритуал нельзя проводить чаще чем раз в год, и если боги не откликнулись, значит, недостаточно большим было желание — либо ваше, либо вашей супруги.

Мужчина с приятным голосом вдруг расхохотался, и смех его был горьким.

— Видно, боги решили надо мной посмеяться, — произнёс он, когда смех стих. — Или над ней. Ну ладно, значит, подождёт! Захарий! — крикнул он. — Уноси.

Вдруг, помимо того, что слышала голоса, я начала ощущать запахи. Пахло как будто бы нагретым на сковородке кардамоном. Откуда я это знала? Однажды меня научили варить кофе по-восточному — подогретый кардамон даёт такой приятно-навязчивый смолисто-ладанный аромат.

«Как в церкви», — пришла в голову неожиданная мысль.

И совершенно неожиданно я почувствовала сильную головную боль. Она накатывала волнами, становясь всё сильнее и сильнее. Будто бы у меня происходило какое-то странное постепенное включение чувств. С каждой волной их становилось больше.

А что вообще со мной произошло?

И только я об этом подумала, только мне показалось, что вот сейчас я всё вспомню, как за мои плечи взяли чьи-то сильные руки и потянули меня наверх. Я приоткрыла глаза. Это было очень сложно, потому что было ощущение, будто мне в глаза насыпали песок.

Было темно. И с открытыми глазами голова заболела ещё больше. Но зато я поняла, что до того, как кто-то стал меня поднимать, я лежала на полу. Запах кардамона усилился, стал объёмнее, к нему добавился сладковатый запах благовоний и нагретого дерева. Не жжёного, а именно нагретого, как в деревянной бане, в парилке.

Мужчина помог мне сесть на жёсткую лавку. Что это был за мужчина, я поняла, когда посмотрела ему в лицо. И хотя лицо его было гладким, как и голова, но квадратное лицо, сильная челюсть, широкие брови, ну и, конечно, сильные руки, которые подняли меня с пола и усадили на лавку, потому что ноги меня совсем не держали, указали на то, что это мужчина.

Странность его лица заключалась в том, что было непонятно, стар он или молод, потому что лицо его было будто лишено возраста.

— Аэра, как вы себя чувствуете? — мягко спросил он.

И я поняла, что это тот самый, кто только что говорил про «сиятельство» и «богов».

— Голова болит, — сказала я и не узнала собственный голос. Почему-то даже не удивилась, что он назвал меня какой-то аэрой.

— Вы можете идти?

Я попробовала оценить состояние организма и поняла, что нет. Ног я пока не ощущала.

Я покачала головой и зажмурилась, потому что мир вокруг закружился.

— А можно мне воды? — открыв глаза, попросила я.

— Хорошо, я сейчас принесу, — сказал мужчина и удалился.

А я тем временем получила возможность осмотреться. Я сидела в каком-то помещении, напоминавшем церковь. Вот только это не было церковью, потому что здесь не было привычных — в моём понимании — иконостасов и подсвечников. В огромных лампах горел огонь, но он не чадил. Запаха дыма не было, но по-прежнему пахло кардамоном.

Когда мужчина вернулся, я спросила:

— А где я?

Он взглянул на меня с жалостью:

— Вы помните, как вас зовут?

Я попыталась вспомнить, и тут голову пронзило словно кинжалом, и я оказалась совершенно в другом месте.

Глава 2

Зима. Я Ольга Леонова, мать семейства, немного за сорок.

Я гуляла с собакой, потому что ни муж, ни двое детей, конечно, не могли этого сделать. Шер, пятилетний сенбернар, обычно послушный, вдруг ринулся вниз, к пруду. Мы жили в Измайлово, недалеко от Серебряно-Виноградных прудов, и я часто ходила с Шером туда гулять; и пока лёд был толстый, мы часто играли в палочку, которую я кидала вниз на лёд, а Шер с удовольствием бегал. Но был конец зимы, и лёд уже был тонкий, а Шер весил больше семидесяти килограммов.

— Шер! — крикнула я.

Но он не откликнулся, а вскоре послышался его лай. Я спустилась пониже к пруду. Было уже довольно темно, и я увидела, что Шер вышел на лёд, но не шёл, а полз по нему. А впереди кто-то был, и этот кто-то провалился в полынью.

— Эй! — крикнула я.

— Тётяшка! Спасите! — раздался детский голос.

«Ребёнок!» Не раздумывая, спустилась ещё ниже и посмотрела на лёд. Для моих девяти килограммов он явно был тонковат, но делать нечего, дитё там долго не продержится.

Я скинула с себя всё лишнее, оставшись в одной рубашке и легинсах. Если вдруг уйду под воду, по крайней мере, одежда не намокнет, может, будет шанс выплыть. И тоже лёжа на животе поползла к полынье.

Господи. Мальчишка. Лицо белое то ли от страха, то ли замёрз уже совсем. И мне вдруг показалось, что я не успею. Поэтому ползла и кричала:

— Ты! Ты там держись! Как тебя зовут? Ванечка? Ванюша, говори! Говори со мной!

Я успела. Одним резким движением — руки-то у меня сильные, я же всё-таки массажист-травматолог; натренировалась на крупных мужчинах, которым требовались реабилитация и восстановление, — выдернула его и отбросила, насколько смогла, подальше от полыни.

— Ползи! Ползи к берегу! Шер, тащи его! — сказала я, понимая, что сама уже не успеваю, лёд подо мной расползался, как ветошь.

Только и услышала, как почему-то непривычно тоненько залаял Шер, словно точно знал, что хозяйке не выплыть.

И я не выплыла.

Открыла глаза. Я снова была в храме, ощущение холода сменилось на тепло, а запах подтаявшего снега — на аромат кардамона. Надо мной всё так же стоял... похоже, местный служитель, одет в длинную белую рясу, подпоясанную верёвкой, а в руках у него была глиняная кружка.

Заметив мой голодный взгляд, он передал мне кружку, но я не смогла удержать её в руках, руки тряслись, и служитель помог мне напиться.

— Аэра Оливия, вы вспомнили? Помните, кто вы?

И я решила не признаваться. Сказала:

— Да, конечно, кое-что вспомнила, но не всё.

Он посмотрел на меня с жалостью и сказал:

— Так бывает. Боги иногда играют с нами, особенно в такие моменты, когда мы хотим поставить свою волю выше, чем воля богов. Если вам будет нужна помощь, вы всегда можете прийти ко мне.

— А могу я задать ещё вопрос? — Я решила, что раз уж есть такая возможность, то почему не воспользоваться.

Служитель не возражал.

— А... — сказала я, попытавшись вспомнить, как обращаться к служителю, но так ничего и не придумала.

— Брат Даниэль, — подсказал мне служитель.

— Брат Даниэль, а что я делала здесь, в храме?

— Вы супруга раэна Итонриада, и вы сами инициировали расторжение брачной связи. Сегодня был проведён ритуал, но, к сожалению или к счастью, боги не откликнулись. И вы остались связаны со своим супругом ещё на год. Если вы, конечно, за этот год не передумаете.

Всё это звучало как бред сумасшедшего, и мне показалось, что, возможно, у меня было кислородное голодание, и мой повреждённый мозг находится в коме и выдаёт мне такие качественные галлюцинации.

Но я всё равно решила продолжить «сбор информации»:

— А что не так с моим супругом, что у меня вдруг возникло такое желание?

Священнослужитель вздохнул и снова с печалью на меня посмотрел.

— Может быть, боги не хотели, чтобы вы от меня это узнали. Но если уж вы спросили, то я расскажу. Ваш супруг — герой. Он спас нашего короля, закрыв его от взрыва. Но сам сильно пострадал.

— А что с ним? Как он пострадал?

— Я не знаю точно, такие вещи не раскрываются, но из того, что увидел, ваш супруг не может ходить.

«Интересно, — подумала я, — что именно меня, человека, который работает с инвалидами, перенесло в этот мир».

И совершенно неожиданно даже для себя спросила:

— Брат Даниэль, а сколько ему лет?

— Он молод, аэра. Ему всего тридцать пять.

«Тридцать пять. Судя по голосу, красавчик, но не ходит и жене не нужен. Ну, знакомая картина».

Глава 3

После того как я вспомнила, кто я, пришло ощущение тела. Вот умом я понимала, что тело не моё, и в то же время знала, что теперь — это я. Я потопала ногами, поняла, что могу это делать, и попробовала встать. Получилось.

— Брат Даниэль, а может меня кто-нибудь проводить к выходу?

— Да, конечно.

Он совершенно бесшумно повернул куда-то голову, и тут же вышел другой такой же служитель, одетый в такую же белую рясу, как и брат Даниэль, тоже с лысой головой и лицом без возраста, но мне почему-то он показался моложе, возможно, потому, что был ниже ростом.

Брат Даниэль что-то тихо сказал коллеге. Я не вслушивалась, в ушах у меня продолжало шуметь. Но после брат Даниэль повернулся ко мне и тоже тихо сказал:

— Аэра Оливия, не говорите никому, что у вас потеря памяти, в вашей ситуации всё может быть использовано против вас.

От этого совета стало немного не по себе, но я просто кивнула, прощаясь, встала и, положив руку на плечо «молодому» — по крайней мере, хоть так у меня была какая-то опора, — пошла вслед за ним.

Мы прошли небольшим тёмным коридором, вышли в более светлое большое помещение, и уже из него он вывел меня на крыльцо храма, возле которого стояла карета.

Он мне помог в неё забраться; обивка внутри была не новая, но мягкая. Карета тронулась, и я прикрыла глаза. Мне почему-то не хотелось смотреть в окно: может, потому, что меня подташнивало, а может, потому, что мне до сих пор не верилось, что я... Кто? Ленка, моя подруга, любительница фэнтези-книжек, сказала бы, что я попаданка. Она мечтала оказаться в другом мире.

А оказалась я. Смешно. И вот я еду в карете.

Мне не хотелось попадать в другой мир, потому что так-то я была счастлива. Муж, дети, почти взрослые, и пёс Шер. Сейчас бы дочка написала: мам, ты где? А я бы не знала, что ответить.

Я внимательно посмотрела на руки. Они были красивые, не то что мои лопатки с профессионально короткими ногтями. Кость тонкая, пальцы длинные, ногтевая пластина тоже длинная, смотрелось очень красиво. Белая кожа.

Вдруг раздался громкий крик, и карета резко остановилась. Я еле удержалась, чтобы не упасть. Сердце застучало. Я осторожно выглянула в окно. На дороге ничего такого не было, какая-то телега стояла, а сидящий в ней мужик крестьянского вида смотрел вверх. Я тоже подняла глаза и уверилась в том, что это кома. В небе летели... драконы.

Я зажмурилась, зачем-то пощупала лицо; на ощупь лицо было молодым, явно не старше двадцати пяти. И меня почему-то это успокоило.

Драконы так драконы — чего теперь поделаешь?

Вскоре карета остановилась; не скрою, было очень страшно. Кучер открыл мне дверцу, я взяла себя в руки и попыталась выйти.

Непривычно было ходить в длинном платье, напоминавшем туалеты дам девятнадцатого века, но тело помнило. Поэтому я поправила юбки и, посмотрев вниз, поняла, что сама не вылезу.

— Любезный! — обратилась я к кучеру, который при ближайшем рассмотрении оказался довольно пожилым дядькой в простой одежде и в шапке (то есть никаких тебе ливрей).

— Слушаю, аэра, — произнёс кучер.

— Помоги мне спуститься.

Я опёрлась на крепкую руку мужчины, и только так мне удалось сойти и встать на твёрдую землю.

Я осмотрелась. Карета остановилась около входа в большой особняк.

Я такие только в фильмах видела. Усмехнувшись, подумала: либо там должно быть полно слуг, либо придётся мне узнать, каково было Золушке.

От кареты до дома было небольшое расстояние, и я подумала, что смогу его пройти, но вскоре почувствовала, что ноги дрожат, голова кружится, и теперь расстояние от экипажа до входа в дом казалось мне практически непреодолимым.

— Помоги мне дойти до дома. — Я показала кучеру на дверь.

Кучер посмотрел на меня испуганно, видно, что не каждый день в него аэры (не знаю кто это, но, похоже, что обращение к женщине) вцепляются.

Голова продолжала кружиться. Было странное ощущение слабости. Не могло же меня укачать?

Я, словно старушка, еле переставляя ноги, уцепившись за крепкую мужскую руку, пошла к входу в дом. А вход располагался на возвышении, и чтобы войти, нужно было преодолеть шесть или семь ступеней. И это было самое сложное, потому что ноги у меня не поднимались.

У меня даже мелькнула мысль, что, может быть, это оттого, что я — это не я, и поэтому тело меня не слушается? Но её тут же перебила другая мысль, что, скорее всего, это оттого, что, как сказал священнослужитель, ритуал был очень сложным.

Но если брачная связь не разорвана, то по идее мой муж, который разговаривал со священнослужителем, тоже должен был приехать в дом. Хотя судя по тому, что я узнала, расторжение-то инициировала я. Может, он не хочет меня видеть, что вполне нормально.

Стоило подойти к дверям, как они распахнулись, и вот теперь-то я увидела слугу, который соответствовал такому особняку. Одет он был в ливрею, на которой были вышиты то ли гербы, то ли рисунки. Он посмотрел на меня и на кучера, и глаза его округлились.

— Аэра Оливия, вам сюда нельзя, аэра Валенсия приказала вас не пускать.

Глава 4

Вот что ему было ответить?

Вообще-то, я приехала, потому что меня сюда привезли, но я понимала, что этот ответ будет выглядеть странным.

— Я вернулась, — сказала я. — А почему мы приехали сюда? — обратилась я к кучеру.

— Так священник же сказал мне, куда ехать, я и поехал, — испуганно ответил тот.

И тут я поняла, почему на нём не было ливреи. Кучер был наёмным извозчиком, которого мне выделили в храме или наняли, чтобы он меня довёз. А ещё я с ужасом подумала, что с ним же, наверное, надо рассчитаться. Денег у меня нет. Вот есть сумочка — может быть, там есть какие-то деньги?

Ну, поскольку сил у меня не было никуда ехать, да я и не знала никаких адресов, а показывать «потерю памяти» брат Даниэль мне отсоветовал, я решила, что пока останусь здесь.

— Куда захотела, туда и приехала, — сказала я дворецкому. — Рассчитайся с кучером. И помоги мне дойти до моей комнаты.

Но дворецкий был не так прост. Выслушав мои указания, он не двинулся с места.

Но мне терять было нечего, поэтому я сделала шаг вперёд, а поскольку я уцепилась за кучера, то и его подтащила, и дворецкий был вынужден отступить, иначе я бы упёрлась ему в грудь. А я уже поняла, что дотрагиваться до аэры — как они меня называли — им не положено.

— Ну что ты смотришь? — сказала я, подталкивая дворецкого к верному решению. — Рассчитайся.

Мне было страшно неудобно перед извозчиком. Я даже, держа его за руку, чувствовала, как он трясётся, видать, не ожидал, что попадёт в такой переплёт.

В конце концов стратегия «наглость — второе счастье» сработала, и извозчик, ошарашенный парой монет из кармана дворецкого, радостно выбежал за двери.

А я, после того как дворецкий рассчитался с кучером, собралась с силами — опоры-то у меня больше не было — и ещё раз произнесла:

— Проводи меня в мою комнату.

И тут откуда-то сверху раздался женский голос:

— Кристиан! Что она здесь делает? Не пускай её!

Я только успела поднять глаза. На широкой лестнице — примерно посередине — стояла женщина. Не сильно молодая, но и не старая, может быть, лет тридцати пяти — сорока. Ухоженная. Яркие медные волосы были уложены в сложную причёску. На ней было тёмно-зелёное бархатное платье. Это всё, на что меня хватило, и я провалилась в обморок.

Придя в себя, осознала, что на этот раз я лежу на кровати. В помещении было темно, пахло лавандой и пылью. Из-за приоткрытой двери раздавались голоса.

— Аэра Валенсия, мы не можем аэру Оливию в таком состоянии выгнать из дома... — узнала голос дворецкого.

— Но я не желаю, чтобы она здесь находилась! — отвечал женский голос, явно принадлежащий той даме, которая кричала с лестницы.

И снова голос дворецкого:

— Может быть, сообщить хозяину? Пусть он скажет.

Голос женщины, которая стояла на лестнице, слегка изменился, в нём стало меньше визгливых ноток, но она сказала:

— Нет, не стоит тревожить генерала. Хорошо, пусть она отлежится.

Дворецкий вдруг стал тем, кому мне захотелось пожать руку, потому что он предложил:

— Может быть, вызвать для аэры лекаря?

Дама с лестницы, аэра Валенсия, похоже, меня недолюбливала, потому что, услышав предложение дворецкого, ворчливым тоном произнесла:

— Вот вечно от неё одни проблемы. — И спустя пару мгновений добавила: — Ну вызови. Может быть, так она быстрее оклемается и нас покинет.

И мне сразу захотелось спросить: «А вы дамочка, собственно, кто? И по какому праву здесь распоряжаетесь?»

Глава 5

Но, конечно, я ничего не спросила, и, судя по всему, дворецкий пошёл исполнять волю аэры Валенсии, а она сама пошла по своим делам.

Возникла тишина. Мне по-прежнему страшно хотелось пить.

Я присела и увидела, что нахожусь в небольшой, довольно простенькой комнате, где из всей обстановки — потёртый шкаф, комод и узкая кровать. Как-то не вязался у меня такой интерьер с холлом, который я видела. Но картина в голове постепенно складывалась.

Во-первых, я осознала, что думаю и говорю не на своём языке. Во-вторых, ну, тут бы и дурак понял, что, видимо, ранее мы разъехались с супругом. Но по каким-то причинам священник из храма отправил меня в дом супруга. Вот только мне было непонятно: кто эта аэра Валенсия? И почему она распоряжается в этом доме?

Пить хотелось уже невыносимо. Ну и, помимо воды, можно было бы ещё сходить в туалет. Я попыталась подняться, но ноги по-прежнему меня не держали. Тогда, держась за кровать, я дошла до стеночки и потихонечку, держась за стену, стала двигаться к двери, рассчитывая на то, что, может быть, удастся кого-то позвать.

Не успела я дойти до двери, как она распахнулась, и в дверях возникла совсем молоденькая девушка, может быть, лет восемнадцати, в простом сером платье с белым передником.

«Служанка», — подумала я.

Она сделала книксен, опустила глаза и сказала:

— Аэра, меня прислал рис Кристиан. Он просил узнать, не нужно ли вам чего.

Я решила быть милой.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Девушка почему-то вздрогнула, но ответила:

— Силли, аэра.

«Странно, почему она вздрагивает? Может, я должна знать, как её зовут? Или я злодейка и она меня боится?» Я чувствовала себя идущей по тонкому льду, и это сравнение меня позабавило. И, видимо, я улыбнулась, потому что служанка вздрогнула ещё раз.

Тогда я поспешила направить её в нужное русло:

— Силли, это очень хорошо, что тебя прислали. Видишь ли, мне пока не очень хорошо, и мне нужна вода. И в туалет.

Когда девушка вытащила горшок из-под кровати, я поняла, что попала. К горшку жизнь меня не готовила, но делать было нечего, пришлось учиться. Причём служанка в это время из комнаты не выходила. А я себя уговаривала, что это нормально.

После она унесла горшок и вскоре вернулась, и в руках у неё был поднос, на котором стоял графин с водой. Я понадеялась, что руки она помыла и у меня не начнётся дизентерия. Спрашивать, кипячёная ли это вода, я не стала. Что называется, зажмурившись, выпила.

Кто бы мне когда рассказал, что я буду пить воду таким образом, я бы не поверила.

Но это были ещё не все мои потрясения на сегодняшний день. Потому что вскоре пришёл врач, или лекарь, как они его называли. Невысокий мужчина средних лет, с приятным пузиком, обтянутым ярко-жёлтым жилетом. В целом, классический такой доктор.

Я подумала, что весьма неловко, что я не могла никак освежиться и даже не знаю толком, сколько провела без памяти. И, конечно, чувствовала себя не лучшим образом, не понимая, как он будет меня осматривать. Я сама не знала, как это платье расстёгивается, и вся надежда была на служанку.

— Аэра Оливия, рад видеть вас, — сказал лекарь.

Я в целом тоже была рада его видеть, но не знала, как его зовут. Он, видимо, понял, что со мной что-то не так, присмотрелся внимательно.

— Аэра Оливия, с вами всё в порядке?

— Силли, — обратилась я к служанке, — ты не могла бы оставить меня вдвоём с лекарем?

Служанка поклонилась, и мне на долю секунды показалось, что на лице её промелькнуло недовольство, но мне не хотелось, чтобы то, что я сейчас скажу лекарю, вышло за пределы этой комнаты. Я дождалась, когда служанка вышла и закрыла за собой дверь, и только после этого сказала:

— Не знаю, вы слышали или нет, про ритуал...

— Да, конечно, я об этом знаю. Возможно, вы не помните, но вы со мной консультировались. И я не советовал его проводить: был большой риск, но риск был для вашего супруга, а не для вас.

Это была любопытная информация, но я решила признаться лекарю в том, что брат Даниэль советовал мне скрыть.

— Вы были правы, но ритуал оказался тяжёлым и для меня тоже. — Подумала, что если лекарь попытается мне навредить, то я буду всё отрицать, но мне нужен был кто-то способный мне помочь, кто-то, кому я могу довериться. — И теперь я не помню многое из своей жизни... И даже вас пытаюсь вспомнить, но пока мне это не удаётся.

Лекарь задумался. Волосы у него были тёмные и тёмная же бородка клинышком; вот за неё он сейчас и держался, слегка нахмурившись и изучая меня.

Наконец он сказал:

— Да, я слышал, что такое бывает. Видимо, поэтому вы и приехали сюда, а не к себе. А скажите, а вы помните, где вы сейчас проживаете?

Я покачала головой.

— То есть вы не помните, что происходило недавно?

— Вероятно, да, — сказала я. — Я же не помню, поэтому не могу точно сказать.

Лекарь снова задумался, а я решила, что было бы неплохо узнать, кто есть кто, и спросила:

— А вы не напомним мне, кто такая аэра Валенсия и почему она распоряжается в доме моего мужа?

Лекарь замаялся, снова вцепился в бородку, как будто не знал, как сказать, но через пару мгновений всё же ответил:

— Аэра Валенсия — вдова отца вашего супруга. После ранения генерала и... вашего отъезда, она... взяла на себя заботу о доме.

И по тому, как он это произнёс, я поняла, что мой отъезд и есть то, почему эта мадам здесь чувствует себя хозяйкой, а «забота» не совсем то слово, которое он хотел использовать.

И что мне это дало? Смогу ли я остаться здесь? Или мне надо уезжать?

И тогда задала ещё один вопрос.

— А моего супруга тоже вы лечите?

Лекарь снова ответил не сразу.

— Лечил, — коротко сказал мужчина, и снова через секундную паузу добавил: — Как говорит аэра Валенсия, разн Итонриад никого не желает видеть, и в особенности лекарей.

Во мне включился врач.

— И сколько по времени вы его не видели?

— Две недели, аэра. В последний раз я приходил сюда после разговора с вами о ритуале. Мне надо было взглянуть на генерала, но аэра Валенсия не позволила мне пройти.

Внезапно за дверью послышались шаги, и лекарь громко произнёс:

— Так, аэра Оливия, давайте-ка я вас посмотрю.

И я поняла, что «не всё в порядке в датском королевстве»*.

(*Шекспировская фраза из «Гамлета», ставшая крылатой.)

Глава 6

И я несколько растерялась, потому что служанку-то я отправила за дверь. Видимо, это движение, растерянно-скованное, и заметил лекарь.

— Не волнуйтесь, я сделаю это осторожно.

Он потёр ладони друг о друга и вытянул руки к моей голове. А учитывая, что я полулежала на кровати, а он стоял, выглядело это весьма забавно, как в фильме про зомби, когда они идут с вытянутыми руками.

И вдруг из этих рук полились зелёные искры.

Я вдохнула, а выдохнуть забыла. И у меня снова появилось подозрение: а может, меня всё-таки вытащили из пруда, вот только я лежу в коме и мне снятся сказочные сны?

А между тем искорок становилось всё больше и больше. Я их не ощущала, но видела, как они с равными промежутками оседают на моём теле. Я не видела себя в зеркале, но предполагала, что они есть и на голове, и на щеках, на груди, на животе — и дальше. И когда всё моё тело покрыли эти искры, доктор хлопнул в ладоши, и они в один миг исчезли.

Он прикрыл глаза, так делают люди, когда задумываются о чём-то или пытаются вспомнить. Я сидела молча, никак не могла прийти в себя от увиденного, уговаривая свой прагматичный мозг поверить, что я не только попала в другой мир, но и попала в мир, где есть доктор, которые лечат магией.

И мне сразу пришла шальная мысль: а вдруг и у меня есть магия? Я тоже так ладошками потру и буду зелёные капельки разбрасывать.

Но лекарь прервал мои странные мечты и сказал:

— Ну, теперь я больше понимаю про ваше состояние. Дело в том, что ритуал действительно на вас подействовал, и не самым лучшим образом. Вся эта слабость, головокружение, которое вы ощущаете, оттого, что у вас больше нет магии.

«Ну вот, — подумала я. — Только я настроилась, а тут — бац! — и „вторая смена“»*.

(*Героиня вспоминает ставшую крылатой фразу из советского к/ф «Большая перемена», в оригинале она звучит так: «Ходишь, ходишь в школу, а потом бац — и вторая смена».)

А вслух спросила:

— Как это нет? Совсем?

— Совсем, аэра, — вздохнув, произнёс лекарь и попытался мне разъяснить: — Дело в том, что магические каналы у вас сейчас практически пустые. То есть те остатки магии, которые, видимо, были, постепенно исчезают. И вам, как магу, который стал обычным человеком, придётся привыкать к меньшему количеству энергии, которая вам доступна.

А я подумала: «Так у меня в жизни и не было этой магии! Что мне привыкать-то?»

— Вы живы, а это главное, — улыбнулся лекарь, и я поняла, что без магии мне здесь придётся туго. — Я пропишу вам покой, по крайней мере, на ближайшие несколько дней. Питание — вам сейчас нужно есть больше растительных продуктов, желательно оранжады. Сейчас, правда, не сезон, но при наличии средств, я думаю, вы сможете себе позволить их купить.

А я подумала: «Ещё бы вспомнить, есть ли у меня эти самые средства».

Я уже хотела спросить, что такое оранжады, но вовремя остановила себя: вдруг это известно даже малому ребёнку, и выяснится, что я вообще ничего не помню и не знаю.

А доктор продолжил говорить:

— Они восполнят хотя бы часть энергии, которой у вас теперь нет. И, может быть, вам удастся наладить отношения с супругом, потому что постоянное общение с магом для не мага — особенно такого, как вы, лишившегося магии, — бывает весьма полезно.

И вдруг раздался голос из-за двери:

— Я не понимаю, что они делают там так долго!

Это был голос аэры Валенсии. Дверь распахнулась.

— Добрый день, лекарь Номар! — Она улыбнулась и ядовито, что совсем не вязалось с дружелюбной улыбкой, спросила: — как самочувствие аэры Оливии? Скоро ли она сможет нас покинуть?

— Боюсь, что нет, аэра Валенсия, — произнёс лекарь с совершенно бесстрастным выражением лица. Но мне показалось, что он был недоволен, что его прервали. — Аэре Оливии необходимо несколько дней покоя и специальное питание. Я напишу, вы можете передать это кухарке. И обязательно — оранжады.

Валенсия усмехнулась и хмыкнула:

— Оранжады? Но они в это время года очень дороги!

Почему-то мне так не хотелось, чтобы лекарь рассказывал Валенсии, что я потеряла магию. Я подумала, что надо было его предупредить, но не успела. И лекарь сказал:

— У аэры Оливии потеря магии, и ей просто необходимы оранжады.

И вдруг на лице этой женщины появилось такое... злорадно-радостное выражение. Хотя, как мне показалось, она всеми силами старалась удержаться.

— Ну надо же! — сказала она, всё же не удержавшись. — Боги свершили своё правосудие.

Лекарь ничего не сказал ни в мою защиту, ни чтобы поставить аэру Валенсию на место. Из чего я сделала вывод, что если он семейный лекарь, то расклад сил в этом особняке, скорее всего, не в мою пользу.

Хотя странно: если я всё ещё супруга владельца этого особняка, то какое право эта женщина имеет здесь распоряжаться?

Глава 7

Вскоре меня оставили одну. Возможно, потому, что я ничего не отвечала Валенсии, и ей было не так интересно злорадствовать. Хотя, на самом деле, она всем своим видом показывала, что меня здесь вообще не существует, и говорила таким образом, что было понятно, что говорит она про меня, но при этом умудрялась ко мне не обращаться.

Лекарь Номар аккуратно на листе бумаги написал свои назначения, проговаривая каждое слово, а на другом листе он написал рекомендации по питанию и передал их аэре Валенсии. Но, судя по злорадству, блеснувшему в её глазах, я поняла, что, как только лекарь выйдет из особняка, эта бумага отправится в камин.

Я не знала и половины продуктов, которые были там написаны. Одно только поняла — что оранжады мне нужны обязательно. И решила, что, как только хоть немного разберусь, что здесь происходит, обязательно куплю себе этих оранжадов и объежусь ими. По моим ассоциациям с прошлым миром мне казалось, что оранжады — это что-то вроде апельсинов. А апельсины я любила.

Наконец лекарь попрощался, и они ушли вместе с аэрой Валенсией, оставив меня одну. И поскольку все эти новости меня сильно утомили, да ещё и слабость по-прежнему накатывала волнами, я прикрыла глаза и задремала.

Проснувшись я оттого, что пахло сдобными булочками, и поняла, что очень хочу есть. Открыв глаза, увидела, что за окном темно, а в моей комнате, раскладывая что-то с подноса на столик, хлопочет невысокого роста кругленькая женщина.

— Здравствуйте, — сказала я.

Она вздрогнула, схватилась за сердце.

— Ой! Вы меня напугали, аэра Оливия! Как вы себя чувствуете?

По её поведению было видно, что я как будто бы должна её знать. Но я, естественно, не знала, потому что никакой памяти аэры Оливии мне не досталось. И тогда женщина всплеснула руками и присела на кровать.

— Силли мне сказала, — произнесла она, понизив голос, — но я не поверила. Значит, это правда?

— Что правда? — решила я не признаваться.

— Правда, что вы себя потеряли? — спросила женщина, хитро прищурилась и добавила: — Или вы помните, как меня зовут?

А я подумала, что число людей, догадавшихся или знающих, что аэра Оливия потеряла память, растёт в геометрической прогрессии.

— Роза меня зовут, — сказала женщина, так и не дождавшись от меня ответа, — кухарка я.

«Точно, — подумала я, — она и похожа на кухарку, и пахнет от неё вкусной едой». Пахло от неё тёплыми сдобными булочками, которые она мне принесла на подносе. И запах выпечки, и мягкая речь Розы всё-таки подвигли меня на то, чтобы сказать ей правду.

— Да, Роза, ты права. Я многое не помню, и Силли это верно заметила.

Какое-то время Роза молчала, как будто собираясь с духом что-то у меня спросить или, наоборот, рассказать.

И пока она решалась, я сама спросила:

— А как Силли поняла, что я потеряла память?

— Так, аэра, вы у неё поинтересовались, как её зовут! И разговаривали с ней... — Роза замялась, подбирая слово, — по-доброму. Вот она и заметила, что вы изменились.

«Значит, прежняя Оливия с прислугой не разговаривала по-доброму».

— Да вы садитесь, ешьте, а то остынет.

— А это тебе кто велел мне принести, Роза? Аэра Валенсия дала указание меня кормить? Роза удивилась.

— Нет, я и не видела аэру Валенсию уж два дня как. Она дала указание, что готовить на неделю, и больше на кухню не заходила. У нас сейчас разносолов немного. — Роза вздохнула и вдруг понизила голос. — Даже хозяину мясо раз в неделю готовим, аэра Валенсия денег выдаёт так мало, что только на каши и хватает. Она ему даже оранжадов не покупает. А ведь ему их лекарь Номар прописал!

— А что, у хозяина проблемы с магией? — поинтересовалась я, уже зная, зачем эти загадочные оранжады нужны.

— Конечно! Лекарь Номар говорил, что спину ему аккурат там, где магические каналы сходятся, перебило, и теперь магия у него не восстанавливается.

— Роза, а ты его давно видела?

— Вчера видела, он всех позвал, они с Захарием в храм ездили, и он не ожидал, что вернётся. Всех созвал и попрощался. А как вернулся, снова заперся у себя.

И я заметила, что Роза никак не может решиться, и тогда сказала:

— Я больше не хочу уезжать, буду ухаживать за мужем

Роза замолчала на секунду и вдруг понизила голос до шёпота, видимо решившись наконец мне сказать то, что задумала:

— Аэра Оливия... А если вы не помните... и теперь так настроены, так, может, вы можете хозяину? — Она вдруг шмыгнула носом. — Загубит его эта аэра Валенсия, как отца его загубила. Где ж это видано, чтоб мужик, пусть даже и больной, мяса не ел?

И я вдруг прониклась к этой женщине теплом. Потому что она и пришла, и доверилась.

И я решила, что хватит разлёживаться, надо пойти и вернуть себе свои права. Я же жена! Значит, право имею, а то лежу тут, понимаешь, в каморке, и мной помыкают, и оранжадов не дают.

И ладно — мне, так ещё и над больным издеваются.

И проснувшись утром, я отправила Силли найти и принести мои платья.

Я подумала: «Если я тут жила, значит, должны быть и платья. Аэра Оливия была непохожа на женщину с маленьким гардеробом».

Вскоре я, облачённая в шедевральное платье синего цвета, с вышивкой и кружевами, принадлежавшее Оливии — а она, судя по всему, любила только модные вещи, причём была настолько уверена в себе, что платьев под горло у неё не было, все исключительно с открытыми плечами, — в сопровождении Силли пошла вверх.

Сейчас я разберусь, что там с супругом, да и аэре Валенсии надо бы на её место указать.

Глава 8

Было очень странно, что по пути я никого не встретила. Рассчитывала ещё на лестнице столкнуться с Валенсией, увидеть кучу слуг, но — никого.

— Силли, а где все? — спросила я, думая, ну мало ли, может, у них сегодня выходной.

Силли снова испуганно на меня посмотрела и спросила:

— Кто все?

Я пожала плечами, чувствуя неуверенность: а вдруг здесь всегда так пустынно? Хотя вспомнила, что когда я вошла в дом, то видела только дворецкого и аэру Валенсию, но ответила:

— Ну, другой персонал.

Силли, мне показалось, выдохнула:

— Рис Кристиан, скорее всего, на кухне, кухарка наша, риса Роза, тоже там, а горничные аэры Валенсии — в её покоях.

Я с удивлением взглянула на девушку: и всё?

А вслух спросила:

— А остальные?

Силли ахнула:

— Ах да, Захарий, камердинер разна Итонриада... почти не расстаётся с хозяином, он, наверное, у него в комнатах.

И я бы, вероятно, себе додумала, что, может, здесь всё магией убирается и содержится в порядке, но грязь на полу и...

Подошла к висевшему на стене портрету с изображением какой-то битвы и пальцем провела по раме.

Так и есть. Пыль окрасила палец в тёмно-серый цвет.

И я заметила, как Силли сжалась, видимо, ожидая «грозы» с моей стороны. И я поспешила сказать, чтобы она перестала уже бояться:

— Что-то аэра Валенсия не сильно хорошо следит за домом моего супруга. — И, глядя на так и оставшуюся в съёжившемся состоянии Силли, добавила: — Силли, перестань уже принимать всё на свой счёт, я знаю, что ты всё это время помогала мне, и не злюсь на тебя.

И это сработало. Вот я всегда была уверена в том, что с людьми надо говорить.

Мы с Силли прошли на верхний этаж, где, как я поняла, находились жилые покои. Я подумала, что, может, и хорошо, что я пока не встретила аэру Валенсию, а то бы до генерала не дошла, пришлось бы с ней отношения выяснять. А мне не терпелось увидеть того, чей голос я слышала, когда только пришла в себя в храме. И я спросила:

— Где покои генерала?

Силли подвела меня к большим, высоким дверям, находящимся в середине левого крыла, и остановилась перед ними.

Я открыла дверь.

И в нос мне сразу ударил запах. Запах отчаяния. Я не буду перечислять, что входит в этот запах. Так пахнут люди — или место, где они живут, — которые перестали считать себя достойными жизни. Которые забили на себя и махнули рукой, ожидая конца. Или ускоряют его приход, занимаясь саморазрушением.

Силли осталась в коридоре. Я не стала настаивать, чтобы она входила со мной, потому что, глядя на её побелевшее лицо, поняла, что она боится этого до обморока. А я, войдя внутрь, прикрыла за собой дверь.

Это была гостиная. Когда-то она была красиво оформлена в спокойных зелёно-древесных тонах, но сейчас когда-то шикарная обивка стен была в дырах, как будто её в ярости рвали

когтями или кинжалами. Ещё на стенах были подтёки, будто кто-то кидал бутылки с чем-то красящим, и они, разбиваясь, превратили стены в такой вид.

Посередине гостиной стоял круглый стол, на нём — большая старинная бутылка, наполовину заполненная чем-то коричневым, а рядом со столом лицом к дверям на громоздком инвалидном кресле сидел мужчина. В руках у него был большой кубок из белого металла, и поскольку рука с кубком лежала на коленях мужчины, то было видно, что жидкость из кубка давно пролилась прямо на штаны и под кресло. А сам мужчина спал.

Я таких красивых мужиков ни разу в жизни не видела. Нет, ну, может быть, здесь все такие. Хотя вряд ли. Я вспомнила лекаря, он был как раз таки обычным, с привычным обликом.

В углу на стуле дремал, видимо, камердинер. Роста мужчина был тоже немаленького, и я подумала, что толкать такое кресло — задача не каждому по силам. Проснулся он не сразу, из чего я сделала вывод, что, возможно, он составляет компанию своему хозяину и, скорее всего, снабжает несчастного инвалида питьём.

Увидев меня, он встрепнулся, вскочил и неловко поклонился.

— Аэра Оливия? — удивлённо спросил он.

— Как тебя зовут? — спросила я вместо приветствия.

— Захарий, аэра.

— Захарий, что с генералом? Почему он спит не в кровати, а в кресле?

— Он запретил мне его переносить. Но когда он проснётся, я это обязательно сделаю.

Мы говорили довольно громко, но мужчина не просыпался.

— Буди его, — сказала я. — Будем приводить в себя.

— Ой, аэра Оливия, я вам не советую.

— Почему?

— Разн Итонриад будет злиться.

Я посмотрела на Захария и сказала то, что говорила десяткам медсестёр, санитарок и родственников за двадцать лет работы:

— Здоровая злость лучше тёплого равнодушия. Буди.

Глава 9

— Может, всё-таки не надо? Давайте я перенесу его на кровать? — На лице у камердинера было сомнение.

Но, судя по тому, что я слышала его имя в храме, значит, он точно знает, что наш союз с его господином не расторгнут, и, в отличие от остальных, ведёт себя соответствующе.

Я ещё раз осмотрелась в комнате, по-новому взглянула на ободранную обивку и подтёки. Получается, что мой супруг впадает в неконтролируемую ярость? Любопытно, чем это он обивку разорвал? С кинжалом, что ли, бросался на стены? А может, и не только на стены, может, и на Захария, и на меня... Может, я поэтому уехала?

Но он же не ходит, значит, от него можно убежать. Цинично, зато практично.

Чтобы немного успокоить камердинера, спросила:

— И часто он так?

— Как вы уехали, почти каждый день, — ответил мужчина.

И тут я сделала шаг вперёд, прищурилась и строго спросила:

— А кто ему приносит напитки? Сомневаюсь, что он сам за ними бегают.

Захарий потупился:

— Аэра Валенсия распорядилась не отказывать хозяину.

— И ты, значит, рад стараться? — с сарказмом произнесла я.

Знаю я таких вот добряков, они спаивают инвалидов, усугубляя их проблемы. И так ограниченная подвижность и органы работают впосилов, забиваясь, а им ещё и лишнюю отраву подкидывают.

Я вздохнула, понимая, что, видимо, у аэры Валенсии здесь «бубновый интерес», как выражался один из моих пациентов, который всё же нашёл в себе силы встать из инвалидного кресла и разобраться с алчными родственниками.

— Простите, аэра Оливия, я человек подневольный.

— И сам, наверное, не прочь приложиться? — намекнула я на его помятую физиономию.

Мужчина возмущённо затряс головой:

— Нет, я не пью! Иначе как я за хозяином буду смотреть?

Я подошла ближе, и действительно, никакого перегара от мужчины не исходило. Но это ещё ничего не значит: вдруг у них здесь по-другому всё работает? Хотя вспомнила свой вход в комнату: запахи были такие же, как и в моём мире.

Я подошла поближе к креслу и наклонилась над лицом спящего мужчины.

Вот от него пахло так, как и должно пахнуть от опустившегося и махнувшего на себя рукой человека.

И вдруг взгляд зацепился за неожиданную деталь: у него на виске прилипли чешуйки. Воблу они тут, что ли, ели? Я пальцем осторожно дотронулась... И вдруг сильная рука меня схватила, прижала к вот этой вот грязной, пропахшей потом и кислым вином груди, и меня попытались поцеловать.

Я попыталась вывернуться, но руки мужчины были неимоверно сильными, и он не оставил мне шанса. И я уже готовилась, что меня будет тошнить, как неожиданно мне вдруг стало хорошо, я больше не ощущала неприятного запаха, все мои чувства осязания кричали, что этот поцелуй — то, чего я ждала всю жизнь. Глаза закрылись, и я почему-то перестала вырываться.

И тем страшнее получился финал. Я не успела прийти в себя, когда вдруг поняла, что поцелуй закончился. Открыв глаза, увидела перед собой и сначала не поняла, что не так. Зрачок.

Зрачок в глазах мужчины, у которого я сидела на коленях, совершенно бесстыдно прижавшись к нему, был вертикальным. Я несколько растерялась, не веря своим глазам, и не почувствовала изменения в поведении, поэтому продолжала сидеть.

Вдруг он сильно меня толкнул, и я, не успев удержаться, слетела с его колен и упала на пол, больно ударившись бедром.

— Захарий! — Голос мужчины был хриплым. — Что она здесь делает?

— Захарий! — сказала я тоном, каким говорила с теми пациентами, кто отказывался жить. — Помоги мне подняться.

И Захарий, ничего не ответив хозяину, первым делом ринулся ко мне, чтобы исполнить мою просьбу.

Я встала, в этот момент супруг потянулся к бутылке и, открыв пробку, начал наливать в огромный кубок. Я подошла и резко вырвала у него бутылку из рук. Видимо, от неожиданности он выпустил её довольно легко, а вот за кубок пришлось побороться, но победил опыт. Мой. Правда, часть пролилась, обновив пятно на штанах, но ничего, штаны мы поменяем.

— Да как ты смеешь?! Пошла вон! — совершенно ожидаемо разозлился супруг, и глаза его странным образом сверкнули. Я же, вспомнив свои умозаключения, что он впадает в неконтролируемую ярость, и ещё раз окинув взглядом ободранные стены, посмотрела ему на пояс: нет ли там кинжала.

Но, мужчина, видимо, понял мой взгляд совершенно по-другому. На лице его мелькнула растерянность, он прикрыл руками пах и резко скомандовал:

— Захарий, выгони её!

Но у Захария наступила избирательная глухота. Подозреваю, что то, что мне удалось с ним поговорить и выразить свою позицию по поводу спаивания хозяина, перетянуло Захария на мою сторону.

— Захарий! Ты что?! Ты забыл? Она желала моей смерти! Позови Валенсию!

И вдруг дверь распахнулась.

Глава 10

Ну конечно, разве этот разговор мог обойтись без аэры Валенсии?

— Что ты здесь делаешь? — совершенно без всякого пиетета выкрикнула вздорная баба.

— Я бы хотела задать вам тот же вопрос, — стараясь, чтобы голос звучал уверенно, сказала я и, не удержавшись от сарказма, добавила: — Вам что, жить негде?

Я пожалела, что не узнала заранее какие-то подробности об аэре Валенсии, но, базируясь на том, что слышала, что, когда я уехала, она взяла на себя заботы о доме и генерале, я сделала вывод, что жили мы раздельно.

Мне ещё хотелось поставить её на место с тыканьем, но я сделала вид, что не заметила её грубости.

Было очень прикольно наблюдать, как она хватается ртом воздух. Похоже, после моих нескольких дней молчания она не ожидала, что у меня голос прорежется.

Но пришла аэра Валенсия в себя довольно быстро, тем более что мой муж, увидев своего «поставщика» алкоголя, возопил:

— Выгони её, Валенсия!

Тут-то аэра Валенсия и воспрянула, и даже сделала ко мне несколько шагов.

Я обернулась на Захария; мужчина стоял с невозмутимым лицом, но в глазах я заметила растерянность.

— Стоять! — крикнула я громко. Обернувшись к мужу, сказала:

— Боги не разорвали нашу связь, поэтому я остаюсь здесь и сама займусь тобой и домом. Аэра Валенсия, а вам я рекомендую собрать вещи и съехать. — Подумала немного и добавила: — Можете сделать это к вечеру, я не тороплю.

Повернулась к Захарию:

— Захарий, моего супруга надо помыть и переодеть. Я вызову лекаря, он давно его не осматривал.

— К аррху лекаря! И ты катись к аррхам, подлая тварь! — У мужа явно наметился прогресс, а то сколько можно повторять одно и то же «пошла вон».

Мне, как врачу-реабилитологу нравился такой настрой. И я, радостно улыбнувшись, направилась к выходу, а в руках у меня так и была бутылка.

А выход перекрывала аэра Валенсия. Я остановилась прямо перед ней:

— На выход, аэра Валенсия, я два раза вам повторять не собираюсь.

И вдруг дамочка как заорёт:

— Кристиан! Кристиан!

Снаружи комнаты послышался топот, и вскоре в комнаты ворвался пожилой дворецкий; в руках у него была дубина, похожая на биту. На лице аэры Валенсии тут же возникло довольное выражение.

— Она собиралась убить Итона! — обвиняющим жестом ткнув в меня пальцем, громко сказала Валенсия.

И теперь у меня от такой наглой лжи наступила растерянность, но, видимо, события последних дней привели к тому, что человеколюбия во мне поубавилось. И я, взглянув на всё ещё сомневающегося, но так и не выпустившего дубину из рук Кристиана, опустила тяжёлую бутылку на голову аэры Валенсии.

Она рухнула без единого звука.

А я сказала:

— Кристиан, будь добр, вызови лекаря Номара: и господину надо показаться, и аэра Валенсия с лестницы упала.

Кристиан кивнул, молча поставил дубину в угол и так же без слов поднял аэру Валенсию с пола.

Я, повернувшись, напонила:

— Захарий, ты уж постарайся, чтобы твой хозяин стал на человека похож, а то лекарь придёт, неловко получится.

Супруг расхохотался так, что мне стало страшно, особенно когда я обратила внимание, что у него на руках появились длинные чёрные когти.

Я поспешила выйти из комнаты вслед за Кристианом, уносившим аэру Валенсию.

А мысли у меня разбегались, и я никак не могла понять: «Это, вообще, что такое? Зрачки как у кошки, теперь ещё когти. Чем его поили?» Я понюхала бутылку, которую так и держала в руке. Пахло хорошим коньяком.

«Может, это болезнь такая местная, — подумала я про когти. — А она вообще лечится?»

И решила посоветоваться с лекарем Номаром, когда тот придёт.

Глава 11

Лекарь Номар приехал быстро, как будто ждал нашего вызова. Я встретила его внизу.

— Как ваши дела, аэра Оливия? — спросил лекарь, который сегодня был в жилете ярко-зелёного цвета. А пахло от него цитрусовой туалетной водой.

— Благодарю, лекарь Номар, мне уже гораздо лучше, и сегодня я вас вызвала, чтобы вы смогли осмотреть моего супруга.

— О, это прекрасная новость, аэра, — оживился лекарь.

А я добавила:

— У нас ещё аэра Валенсия с лестницы упала и головой ударилась, её бы тоже надо осмотреть, а то она уезжать собралась, и было бы хорошо помочь ей поскорее прийти в себя.

По мере того как я говорила, лицо мужчины удивлённо вытягивалось. А я подумала, что ещё несколько дней назад примерно то же самое он слышал от аэры Валенсии, что меня нужно подлечить, чтобы «пинком» из дома отправить. И вот теперь концепция поменялась.

На самом деле, это не концепция, это власть поменялась, но я не рассчитывала на лёгкую победу, обычно если что-то очень легко даётся, то что-то не то, значит, есть какая-то засада.

Но пока мне надо было понять, что с супругом и могу ли я применять те методы реабилитации, которые я использовала в своём мире.

— С кого начнём? — спросил лекарь Номар, и я предложила сначала пройти к генералу.

Если честно, я немного побаивалась, что генерал будет чудить, и поэтому сначала отправила Кристиана проверить, как там генерал, готов ли принять лекаря. Кристиан меня поражал; с того самого мгновения, когда он кивнул, выражая молчаливое согласие с моими действиями, он не сказал мне ни слова. И даже сейчас он стоял рядом, слушал нашу беседу с лекарем Номаром и не вмешивался.

Кристиан вернулся довольно быстро и сообщил, что генерал ждёт лекаря. Я сначала не обратила внимания на то, как он это сказал: «Ждёт лекаря», — и поднялась по лестнице вместе с дворецким и лекарем.

Но перед самым входом в покои супруга Кристиан вдруг остановил меня и сказал:

— Разн Итонриад приказал привести только лекаря Номара.

Лекарь притормозил и растерянно взглянул на меня; его взгляд я прочитала, как «я тут ни при чём, сам вот на птичьих правах». Но я не для того здесь бутылку размахивала, меня теперь не остановишь, потому что если я отступлю сейчас, то они все будут думать, что разн Итон здесь главный.

А он здесь — не главный, а пациент, а главной здесь буду я.

Поэтому я мило, настолько мило, что дворецкий даже выпрямился, улыбнулась и почти пропела:

— Меня это не касается, Кристиан, а ты можешь остаться в коридоре.

И первая зашла в дверь мимо хлопающего глазами Кристиана. В гостиной уже не пахло отчаянием, ещё сохранялся запах пролившегося коньяка, но ни генерала, ни кресла в гостиной не было, и моя милая улыбка, которую я сохранила после ответа Кристиану, пропала впустую.

Я уже собиралась крикнуть оставшемуся за дверью Кристиану, как из двери, ведущей в спальню, вышел Захарий, и, увидев меня, тоже выпрямился.

— Аэра Оливия, ваши приказания выполнены, — отрапортовал он.

А лекарь теперь посмотрел на меня с уважением.

Я решила на этот раз не идти первой и пропустила вперёд себя Захария и лекаря. И правильно сделала, потому что не успел Захарий шагнуть в спальню, как в него чем-то прилетело, зато мы с лекарем вошли без проблем.

Супруг лежал на кровати. Он всё ещё был бледен, но было заметно, что он вымыт, и бельё на кровати застелено тоже чистое. Мужчина полулежал на подушках, а инвалидное кресло стояло рядом с кроватью.

— Я разрешил прийти только лекарю! — сразу сообщил супруг.

— Я тоже рада тебя видеть умытым, Итон, — всё же улыбнулась я. И могу поклясться, что генерал тоже попытался выпрямиться.

— Захарий, убери её, — приказал он, но Захарий не двинулся с места.

Лицо генерала исказилось, он начал что-то лихорадочно искать на стоящей рядом тумбочке, и вдруг я услышала скрежет; присмотревшись, поняла, что у него опять чёрные когти и он ими скребёт по поверхности.

— Лекарь Номар, — не вынесла я этого, — сделайте же что-нибудь.

Лекарь Номар подошёл и ткнул генерала пальцем в лоб. Сразу стало тихо, а генерал снова стал привлекательным мужчиной, просто лежащим на подушках с закрытыми глазами.

— Простите, аэра, никакого вреда для раэна Итонриада, но так я смогу спокойно его осмотреть.

— Да, — кивнула я, — осмотрите внимательно и потом проверьте, пожалуйста, у него вертикальные зрачки и когти вылезают, мне кажется, что его чем-то опаивали.

Лекарь Номар странно на меня посмотрел и вдруг сообщил:

— Так это нормально, аэра, так и должно быть. Генерал Итонриад, конечно, потерял возможность летать, но связь с драконом у него сохранилась.

Я взглянула на спящего мужчину, на его красивое, слегка нахмуренное лицо. Перевела взгляд на руки, на которых пару минут назад были чёрные когти. Дракон.

И я опять подумала, что всё-таки я в коме с очень навязчивой идеей. О драконах.

Потому что не укладывалось у меня в голове, что я могу быть замужем за драконом, а сам дракон может лежать, усыплённый магическим лекарем.

Глава 12

Лекарь начал осмотр и спустя несколько минут, рассыпав значительное количество зелёных искорок, сообщил:

— К сожалению, никаких положительных изменений я не вижу. Даже наоборот. Генерал, по всей видимости, игнорировал то лечение, которое ему было назначено, вследствие чего у него образовался... — Лекарь замялся, явно не зная, как сказать.

Зато я знала как:

— Застой у него образовался и интоксикация.

Лекарь на меня взглянул и, заикнувшись на первой же букве, подтвердил:

— В-верно говорите, аэра Оливия. — И, явно не удержавшись, спросил: — Только вот откуда такие устаревшие формулировки?

— Из книг, — использовала я «подсказку» лекаря про устаревшие, — откуда же ещё?

Лекарь Номар хмыкнул, но дальше спрашивать не стал.

А я, воспользовавшись тем, что супруг ещё спал, начала спрашивать про другие «устаревшие» методы лечения. Задала вопрос про остеопатические и обычные массажные техники, и про водный массаж. Я, кстати, используя джакузи, получала просто феноменальные результаты, особенно при контрактуре суставов, а ведь это прямо бич для пациентов с малой подвижностью.

Конечно, я не использовала термины из моего мира, я пыталась своими словами объяснить.

В конце разговора лекарь покачал головой:

— Не знаю, где вы это прочитали, аэра, но я бы очень хотел взглянуть на эту книгу. Звучит, конечно, совершенно фантаσμαгорично, но почему-то мне кажется, что это может сработать.

Только вот договорить нам не дали. Супруг очнулся, и на миг мне показалось, что он сейчас вскочит — настолько ярко негодование проявилось у него на лице. Но он лишь прошепел:

— Пошли вон!

Я так поняла, что супруг был крайне недоволен тем, что его ввели в сон, не предупредив.

Увидев, что Захарий так и не пошевелился, чтобы выгнать нас с лекарем, Итон — кстати, имя ему очень подходило — одной рукой подтянул к себе коляску и, опираясь, стал подтаскивать неподвижное тело к краю кровати.

Захарий попытался броситься к нему на помощь.

— Стоять! — одновременно с супругом сказала я.

И все: и Захарий, и лекарь, и даже Итон — удивлённо на меня посмотрели.

А мне надо было увидеть, сможет ли он закинуть себя в кресло или нет, полная ли у него неподвижность, какой у него уровень поражения, как он фиксирует таз.

Где обрыв?

Лекарь сказал, что там, где сходятся каналы, но я хочу точно знать, у него там частичный обрыв или полный разрыв. Я ни черта не смыслю в магии, но зато я могу вылечить многое и без неё, надо только поставить верный диагноз.

И сейчас в этом состоянии злости на нас он это отлично продемонстрировал. И, похоже, что моё первое впечатление и мой предварительный диагноз подтверждаются. Я пока не буду обнадеживать ни себя, никого бы то ни было, надо проверить ещё раз.

Правда, нам с лекарем пришлось быстро выйти из спальни, когда генерал попытался нас раздавить.

Генерал Итонриад (Итон)

Я пришёл в себя оттого, что мне было хорошо. Откуда это? Я наконец-то умер? Дракон-отец услышал мои молитвы и забрал к себе в Небесные чертоги?

Но реальность оказалась куда хуже. У меня на коленях сидела... моя жена. Ненавижу!

Почему я не умер во время ритуала? Лекарь же сказал, что это практически девяносто-процентная смерть для того состояния, в котором я сейчас нахожусь. А я жаждал смерти!

Кто я? Жалкий обрубок, неспособный придушить собственную жену!

Я выгнал всех, никто не должен видеть меня таким! И она — в первую очередь! Уехала? Вот и пусть не возвращается! Она думает, что я не знаю. Но я слышал, как она сказала лекарю: «Может, и лучше, если он не переживёт». Двуличная тварь!

Не желаю больше чувствовать, не желаю любить, любовь всегда заканчивается предательством! Единственное, чего я хочу, — это тишины, именно поэтому я оставил в доме Валенсию. Она, по крайней мере, не притворяется, она ждёт моей смерти и приближает её как может.

И вдруг моя жена — у меня на коленях, и я сам её целую, а она самозабвенно отвечает. Мне даже показалось, что никогда ещё поцелуи с ней не были такими сладкими. Или я забыл.

И что самое странное, я почувствовал, что моё естество откликается на неё. Но этого не может быть! Ниже пояса я жалкая деревяшка, обрубок!

Так она ещё и собралась меня лечить! Ей что, ритуал мозги вывернул?!

Раскомандовалась!

И даже мой Захарий, который никогда и никого, кроме меня, не слушал, словно оглох, а её приказы выполняет. И Кристиан. Я не удивлюсь, если завтра и Валенсия будет перед ней белочкой скакать. Может, в неё вселился злой дух?

Нет! В храме Отца-дракона такого произойти не могло.

И ещё своего лекаришку притащила! Не бывать этому! Ко мне никто больше не прикаснётся, и лечиться я не собираюсь!

И вдруг я словно наяву ещё раз услышал, как она скомандовала в унисон со мной: «Стоять!»

И смотрела, как я залезаю в кресло. И то, как она смотрела, было чем-то новым, одновременно будоражило и злило. И я, арххи её побери, старался, чтобы ей... понравилось.

Глава 13

После того как мы вышли из покоев генерала, лекарь буквально вытер пот со лба.

Головой покачал:

— Страшно-то как, аэра Оливия, я чуть было не поседел.

Я с удивлением взглянула на мужчину и вспомнила, как он одним прикосновением пальца отправил моего супруга в сон.

— Вы же маг, если что, то сможете себя защитить.

— Эх, аэра Оливия, это я даже не знаю, как получилось, если бы не вы, то ни за что бы не решился даже до него дотронуться. А рядом с вами как будто бы решимости прибавилось.

А я неожиданно поняла, что вот в этом признании лекарь весь и есть: и поэтому не доби-
вался, чтобы ему предъявили пациента, и поэтому не противоречил аэре Валенсии. Он трус.

— Так каков ваш вердикт, лекарь Номар? — спросила я. — Что скажете по вашей тера-
пии: что надо продолжать, а что исключить? Может, магией сможете подлечить моего супруга?

— Аэра Оливия, как я говорил вам и в прошлый раз, магией вашего супруга не выле-
чить, потому что он попал под магический взрыв, который сделал невозможным восстано-
вление магическим путём. — Потом помолчал, видимо, набираясь смелости, и добавил: — Да и
сложно вылечить того, кто сам не хочет лечиться.

Я подумала, что это правда, и вспомнила супруга, каким я нашла его с утра; и потом,
когда он зло зыркал на меня глазами, перебрасывая своё мощное тело с кровати на кресло; и
после, когда он попытался нас с лекарем задавить. Два совершенно разных человека.

Вернее, не человека. Но эта информация ещё не уложилась у меня в голове.

Очнулась от мыслей, когда поняла, что стою и молчу уже какое-то время, а лекарь в силу
то ли природной трусости, то ли хорошего воспитания тоже стоит и ждёт, когда я соизволю
заговорить.

— Пойдёмте, лекарь Номар, нам с вами надо аэру Валенсию осмотреть. Кристиан. — Я
заметила, что дворецкий далеко не ушёл, а стоит на лестнице, видимо дожидаясь, когда мы с
лекарем выйдем. — Проводи нас к аэре Валенсии.

То, что аэра Валенсия пришла в себя, мы с лекарем слышали, ещё не доходя до её
покоев.

— Я её стною! — кричала женщина, которой после удара бутылкой полагалось лежать и
не отсвечивать.

Лекарь Номар на меня обернулся и тихо произнёс:

— Похоже, что с аэрой всё в порядке. Может, ей не нужен осмотр?

— Нужен, — сказала я, — вдруг у неё после падения в голове помутилось, усыпите её
и проверите.

Лекарь побледнел. Конечно, он сейчас решал неразрешимую задачу: или послушаться
меня, ту, кого он недавно наблюдал растерянной и несчастной, но неожиданно справившейся
с самым разном Итоном; или не вступать в конфликт с аэрой Валенсией, которая, похоже, та
ещё штучка.

В общем, в конце концов мы дошли до покоев, которые занимала аэра Валенсия. Думаю,
что она выбрала эти покои не за их роскошь, хотя они и смотрелись гораздо дороже, чем изо-
данные покои моего супруга, а за то, что они располагались довольно далеко от его покоев.

В другом крыле особняка.

Аэра Валенсия была живее всех живых, и когда мы с лекарем вошли, она как раз стояла
посередине гостиной и держала в руках вазу. Увидев меня, она, не раздумывая, швырнула
этой вазой в меня, и вполне возможно, что я бы не успела отклониться, если бы не Кристиан,
который каким-то невероятным образом эту вазу поймал.

— Ты-ы-ы! — почти завизжала она.

— Я, — спокойно подтвердила и спросила: — Собираетесь?

Аэра Валенсия взывала что-то нечленораздельное, лицо её исказилось, и вообще она не напоминала более здорового человека.

Я взглянула на лекаря, тот с ужасом смотрел на кричащую и практически бьющуюся в конвульсиях женщину.

— Лекарь Номар, надо что-то делать.

Лекарь кивнул и попытался выйти из комнаты, но выход перекрывал Кристиан.

Две горничные прижимались к стенам.

В конце концов мне это надоело, и я шагнула к аэре Валенсии, намереваясь прекратить истерику одним из самых простых и эффективных способов.

И я бы точно дала ей пощёчину, но она неожиданно замолчала, но только для того, чтобы в следующее мгновение заявить:

— Я никуда не поеду. — И тут же добавила язвительным тоном: — Кристиан, объясни аэре Оливии, почему я остаюсь.

Я вопросительно взглянула на дворецкого.

— Аэра Валенсия является признанной наследницей раэна Итонриада, — сказал Кристиан, — и имеет право жить в его доме.

Аэра Валенсия посмотрела на меня с видом победительницы.

Мне сразу же захотелось выяснить о своих правах, но я сдержалась. Вместо этого я сказала:

— Хорошо, в таком случае я не буду настаивать, чтобы вы уезжали прямо сейчас, но если я узнаю, что вы продолжаете распоряжаться в этом доме или спаивать моего супруга, то я найду способ вас выселить.

Я для себя решила, что жить она может, но вряд ли при живой жене она может здесь командовать. И поскольку никто меня не поправил, я решила, что так оно и есть.

После этой весьма содержательной беседы аэра Валенсия наконец-то позволила лекарю её осмотреть, но не просто так.

— Лекарь Номар, зафиксируйте, пожалуйста, магическим слепком, что был удар по голове, — неожиданно попросила она.

Но после осмотра лекарь Номар выдал вердикт, что никаких следов удара или падения у аэры Валенсии нет.

Это было странно, но потом я заметила, что одна из горничных стоит и кусает губы, а на щеках у неё красные пятна, и подумала, что надо бы поговорить. Но мне она вряд ли расскажет, а вот Кристиану вполне удастся узнать.

Распрощавшись с лекарем, я осталась в холле; Кристиан стоял рядом, видимо ожидая моих распоряжений.

Хотелось пойти и прилечь, но диагноз, который я поставила супругу, не мог ждать: каждый день без терапии отдалял выздоровление.

— Кристиан, мне нужна жёсткая щётка, мягкий мех, ведро со льдом и коврик с колючками. Всё это можно будет принести в комнаты супруга примерно через час.

Дворецкий взглянул на меня с удивлением, но ничего не спросил, только кивнул.

«Вот и отлично, — подумала я, — проведём текстурный тест. Ведь для того, чтобы пациент поверил в то, что он может ходить, его мозгу надо доказать, что его ноги существуют».

И перед тем как пойти к себе и немного отдохнуть, я всё же попросила Кристиана выяснить у горничной причину её нервозности и спросить, не связано ли это с тем, что лекарь Номар ничего не обнаружил у аэры Валенсии.

Глава 14

Отдохнуть мне не удалось. Я позвала Силли, и мы прошли в те комнаты, где я очнулась после ритуала. И неожиданно я поняла, что комнаты эти расположены в крыле для слуг.

Не то чтобы мне не хотелось здесь оставаться... Я, если честно, даже уже немного привыкла к этой обстановке. Но ведь в жизни как? Как себя поставишь, так к тебе и будут относиться.

А пока всё, что я делала, указывало на то, что я здесь хозяйка, а хозяйка не может жить в каморке для прислуги.

И я пошла искать, где же здесь покои, предназначенные для хозяйки.

Позвала Силли и попросила её проводить меня в мои покои. Я понимала, что, возможно, для служанки звучало странно, что я про свои покои спрашиваю, но я говорила уверенно и делала вид, что это нормально.

Результатом стало то, что мы снова, только уже вместе с Силли, поднялись на этаж, где располагались покои супруга. Зайдя в коридор, Силли замедлила шаг и тихо, практически на цыпочках прошла мимо двери, ведущей в покои генерал. Дальше по коридору была только одна дверь, и меня настигло нехорошее подозрение.

— Скажи, Силли, случайно, эти покои не соединяются между собой?

Силли сделала книксен и сообщила:

— Да, аэра. Это же покои супругов. — Она махнула правой рукой, указывая на ту дверь, к которой мы и направлялись. — Здесь женская половина, там мужская. И, естественно, они соединены между собой.

Первым моим желанием было бежать куда-нибудь на другой этаж или в другое крыло особняка. Но потом я вспомнила, что в другом крыле располагаются покои Валенсии.

А ещё ко мне пришло осознание, что если я всё-таки хочу помочь этому пациенту, который теперь, хочет он того или нет, мой муж, то мне нужно быть рядом.

Я почему-то уже не сомневалась, что неспроста оказалась в этом мире рядом с этим человеком, который, похоже, человеком не был,

И тут я вспомнила пролетавших над каретой драконов и на какое-то время даже выпала из действительности: узкий вертикальный зрачок, чёрные когти на руках и разодранная обивка в гостиной.

Я взглянула на Силли. Та терпеливо ждала, когда я приду в себя.

— Силли, а раэн Итонриад — он... дракон?

Силли странно на меня посмотрела, но ничего не спросила, а только снова присела в книксене и тихо сказала:

— Мы все очень на это надеемся, аэра Оливия.

Это, конечно, мало что прояснило, но я вспомнила слова лекаря, который тоже что-то говорил про дракона. «Ладно, — подумала я. — Дракон так дракон. Всё равно он мой пациент, потому что у него не ходят ноги».

И я решительно потянула на себя дверь женской половины покоев.

И застыла в восхищении.

Здесь никто не испортил обивку. Стены были обиты золотистой тканью, и свет из высоких арочных окон, отражаясь в ней, делал её сияющей, отчего казалось, что вся комната пронизана солнечными лучами. Я даже непроизвольно взглянула на руку, и мне показалось, что и кожа у меня слегка светится.

Я всегда любила солнце. И здесь, в этих покоех, было по-настоящему тепло, но не от огня в камине, а от этого мягкого света, создававшего ощущение тёплого летнего дня. Изящная мебель в обивке оливкового цвета только подчёркивала эту летнюю атмосферу.

— Как здесь хорошо, — непроизвольно вырвалось у меня.

Силли потупилась и вдруг произнесла:

— Раньше вы не любили эти покои и даже свою спальню приказали переделать.

Я стала вертеть головой в поисках дверей в спальню, и, конечно же, двери располагались со стороны покоев супруга. Как мило.

Но на всякий случай я спросила:

— Силли, а эти двери же ведут в спальню?

Похоже, Силли уже перестала удивляться моим вопросам и просто кивнула.

И когда я распахнула двери в спальню, у меня едва не случился приступ эпилепсии. Такого хаоса красно-синих и чёрных красок я ещё — в этом мире, по крайней мере, — не встречала.

Спальня была очень тёмная, особенно по сравнению с золотистой гостиной. Темноту усиливали закрытые тяжёлые шторы, создавая ощущение замкнутого пространства.

«Склеп какой-то», — подумала я, и мне даже показалось, что и пахнет здесь соответствующе. Хотя я принялась и поняла, что часть мебели отделана красным сандалом или чем-то похожим, возможно, в этом мире это как-то по-другому называется; и именно от мебели и исходит этот тяжёлый аромат.

Большая широкая кровать стояла посередине, у стены находился тяжёлый, не по-женски мощный комод, и вся эта мебель была тёмно-красного цвета, причём такого насыщенного цвета, что, казалось, поглощала остатки света, которые ещё были в этой комнате.

— Силли, раздвинь шторы, — попросила я, не выдержав этого великолепия.

Силли раздвинула занавески, но в свете дня всё стало ещё хуже, потому что и вся остальная обстановка была сине-красного цвета: обивка стен и мягкая мебель.

Какой кошмар. Я представила себе, что придётся спать в этом ужасе, и мне стало зябко. Я даже передёрнула плечами.

Силли заметила, что мне некомфортно, и неожиданно произнесла:

— Аэра Оливия, старая мебель отсюда сохранилась. Можно сказать рису Кристиану, и он принесёт.

Я, взглянув на девушку, вдруг поняла, что не такая уж она и безмолвная, и беспомощная.

— Спасибо, Силли, да, ты права, я бы хотела вот это всё поменять.

Тут взгляд упал на ещё одни двери. Если я правильно сориентировалась, они располагались в стене, противоположной от входа. И они были заколочены.

— Что это?

Я подошла и потрогала деревяшки, крест-накрест перекрывшие дверь.

— Вход в покои вашего супруга, аэра. Перед тем как вы уехали, вы приказали установить дополнительный запор.

Вспомнив вертикальные зрачки, чёрные когти, а также разодранную обивку, я вдруг поняла: если бы Итон захотел сюда проникнуть, такой нелепый запор вряд ли бы его остановил.

— Скажи Кристиану, чтобы убрал и это тоже, — сказала я. — Мне будет достаточно ключа.

Вскоре пришёл и сам дворецкий. В руках у него было ведро, но, когда я туда заглянула, увидела, что там лежит почти всё, что я просила: жёсткая щётка, кусок мягкого меха и коврик с колючками.

Пока Силли передавала Кристиану всё, что я хотела изменить в своих покоях, я потрогала каждую из принесённых вещей и удовлетворённо улыбнулась.

Любопытно, какая будет реакция у супруга на текстурный тест. Я вспомнила, что обычно мои пациенты чем brutальнее они были до инвалидности, тем более яростно реагировали на этот тест. Не все ощущения возвращались сразу, но мозг начинал генерировать нужные импульсы.

— Отлично, — сказала я. — Кристиан, я сейчас пойду к супругу. А ты пока займись тем, что сказала Силли; постарайся к вечеру избавиться от этого ужаса. — И я обвела взглядом спальню, остановившись на монстрообразном кровавого цвета комод.

На секунду я представила, что вряд ли у Кристиана получится вытащить эту громадину. Разве что выкинуть из окна.

Но поскольку я не заметила никакого изумления на спокойном лице дворецкого, решила, что у него, наверное, есть свои методы.

— Есть ли какие-то вопросы? — спросила я.

На лице дворецкого мелькнуло удивление, но вопросов не последовало. Я полагала, что если вопросы у него и были, то все они были связаны с тем, что лежало в ведре, но на это я пока отвечать не собиралась.

Пора знакомить дракона с терапией пробуждения.

И я решила не дожидаться, когда откроют соединительную дверь, и войти тем же путём, каким входят остальные. Вышла в коридор и прошла до дверей в покои супруга.

Застыла перед дверью, постаравшись выровнять дыхание. Внутри появилась дрожь, было немного страшно: всё-таки он не человек. Но я вспомнила своего последнего пациента: сильный, красивый мужик, кадровый военный, потерял желание жить и рычал не хуже этого, хотя в моём мире драконов точно не было. И ничего, побежал. Так что и с этим посмотрим, кто здесь пациент!

Стучаться я не стала, просто распахнула дверь и вошла.

Глава 15

Супруг сидел на том же месте, на котором я обнаружила его утром, с одной лишь разницей — он не спал. Выражение лица его было мрачным, а на столе вместо бутылки был накрыт обед.

Перед супругом стояла миска с чем-то дымящимся, причём пахло вкусно, и я сделала себе мысленную пометочку разобраться, чем его кормят, потому что правильная диета тоже была частью лечения.

Захарий снова обнаружился сидящим в углу. При моём появлении он вскочил и вытянулся. Пришлось соответствовать.

— Захарий, доложи, как дела, — попросила я, демонстративно игнорируя мужа, который сидел и метал молнии в мою сторону.

По докладу Захария оказалось, что Итон уже отобедал. Пытался заставить Захария принести ему бутылку из погреба, но не добился результатов, и поэтому аппетита у него нет.

Я знала, что супруг сейчас видит, и это для него полный разрыв шаблона. Стоит его супруга, которую он представлял себе светской дамой, бросившей инвалида, чтобы не пачкать свои белые ручки. А сейчас в руках у этой дамы обычное ведро.

«Ничего, — подумала я, — сейчас ещё добавим».

— Ну что, дорогой супруг, вы готовы к тому, чтобы начать лечение? — спросила я.

— Пошла вон! — ожидаемо прозвучало от генерала.

В этот момент в дверь постучали. Я открыла, это была Силли. В руках у неё было маленькое ведёрко со льдом.

— Отлично! Теперь у нас есть всё, чтобы начать. — И я обратилась к Захарию: — Захарий, мне необходимо освободить ноги генерала. Помогите, пожалуйста, снять с него обувь.

— Захарий! Не делай этого! — рявкнул Итон.

Но Захарий уже снимал с него сапоги.

Я огляделась в поисках чего-нибудь, на что можно было присесть, и подумала, что надо бы организовать маленькую скамеечку. Не найдя ничего подходящего, взяла с дивана подушку, бросила на пол и опустилась на колени перед его креслом.

На лице Итона мелькнуло удивление, граничащее с непониманием.

— Что ты собираешься делать? — мрачным, но уже спокойным голосом спросил он.

— Сейчас мы с вами проведём текстурный тест, — сказала я. — Я буду показывать вам предметы, а потом прикладывать их к вашим ногам. Вы должны рассказать, чувствуете ли вы что-нибудь.

— Ты издеваешься?! — рявкнул он. — Я вообще ничего не чувствую!

— Закройте глаза и попытайтесь почувствовать.

— Не буду я закрывать глаза!

Я взяла в руки жёсткую щётку, показала её супругу, закатала его штанину до колена и начала осторожно водить щёткой по ноге. Обратила внимание на то, что мышцы ног уже начали терять объём.

Что ж, это только подтверждало мой диагноз. Аксонотмезис*. Но это не делало излечение невозможным, потому что я видела, как он уверенно держал спину, когда забрасывал себя в кресло.

(*Аксонотмезис — это вид повреждения периферического нерва.)

— Что вы чувствуете? — спросила я, не ожидая, что он ответит. Чем сильнее был мужчина до инвалидности, тем сложнее он поддавался реабилитации, но вот если появлялась надежда, то здесь излечение шло полным ходом.

Я знала, что сейчас происходит. Мужчина видел жёсткую щётку, и он не был парализован с рождения, поэтому знал, какими должны быть ощущения. Он не чувствовал, но мозг... Мозг подсказывал ему, что он должен чувствовать. Именно на это и был направлен первый этап лечения. Мне нужно было восстановить схему тела в его мозге. Я называла это терапией пробуждения.

Вскоре жёсткую щётку сменил мягкий мех, потом — лёд, потом — коврик, утыканный достаточно колючими иголочками, и пусть и с натяжкой, но его можно было бы назвать аппликатором.

Я несколько раз чередовала. И на четвёртый круг, хотя супруг ничего не сказал, я заметила, как расширились его глаза. В них появилось не просто удивление. Это было удивление с оттенком надежды.

— Вы что-то почувствовали? — спросила я.

— Я не знаю, — неуверенно прозвучало от супруга, но это уже было не «пошла вон» и совершенно не вязалось с тем поведением, которое он выбрал до этого.

А для меня это уже прозвучало как победа.

Глава 16

Генерал Итонриада (Итон)

Мир сошёл с ума. Или я. А что скорее всего — моя жена. Или она опять что-то задумала. Я не могу ей верить. О том, куда мы поедem с королём, знало только двое: я и он, и в самый последний момент я сказал ей.

Я никому не сказал о своих подозрениях. Сначала я почти что умер, потом эти аррховы лекари всё-таки вытащили меня, но когда она пришла ко мне, а я даже не мог самостоятельно взять в руки ложку — что я мог ей сказать, глядя в широко распахнутые, полные жалости глаза?

Единственное, что сказал, чтобы она шла вон со своей жалостью.

И она ушла. И тогда всё было понятно.

А теперь? Что она творит?

И Захарий переметнулся, дубовика* не принёс, выполняет её команды, по шее от меня получил и всё равно делает так, как она сказала.

(*Местный коньячный напиток.)

Приличные слова у меня закончились, когда она села на колени у моих ног и начала странные манипуляции.

Я сначала подумал, что это какое-то странное издевательство, но она с таким серьёзным видом это делала, что у меня возникло двойственное ощущение, и хотя она попросила, чтобы я прикрыл глаза, я, наоборот, смотрел на неё и радовался, что она не смотрит на меня.

Это оказалось таким волнующим — женская голова на уровне твоих колен. Жаль, что я ничего не почувствовал, но её глаза светились такой надеждой, что мне хотелось, чтобы она обрадовалась, и я сказал, что да.

Уже потом я подумал, что, наверное, в храме что-то произошло, и решил туда съездить и поговорить с тем, кто проводил ритуал, потому что таких глаз у супруги никогда не было.

Они лучились, она действительно хотела, чтобы я что-то ощутил.

Ольга (Оливия)

Да уж, праздновать победу было рано. Я, конечно, сразу порадовалась, но потом проанализировала. Скорее всего, дело не в том, что Итон что-то ощутил физически, скорее всего, это мозг сыграл с ним такую штуку, как ощущение, но это всё равно победа, особенно если он, судя по атрофии мышц, уже начал забывать, как это ощущается.

На ночь приду поработать с его спиной. Руки чесались проверить всё, но было опасение, что он может сорваться, а меня могут быстро разоблачить, а пока у меня тут в наследниках Валенсия, надо быть очень осторожной.

И, главное, когда она успела в наследницы-то пролезть?

Я решила познакомиться с оставшимися в доме слугами и выяснить, могу ли я получить доступ к кошельку, иначе если это всё в руках Валенсии, то туго мне придётся.

Для чего я вызвала Кристиана, но, прежде чем спрашивать его о тех вещах, о которых прежняя Оливия наверняка знала, я решила спросить его про горничную аэры Валенсии.

Оказалось, что Кристиан всё выяснил.

— Горничная применила целительский амулет, аэра, поэтому у аэры Валенсии отсутствовали следы от удара головой.

— Зачем?

— Аэра Валенсия собиралась подать прошение об изоляции раэна Итонриада как опасного для нахождения дома.

Но зачем ей было оговаривать того, кто сделал её наследницей и в целом вообще не возражал против её присутствия? Об этом и спросила Кристиана:

— А что бы было, если бы аэре Валенсии удалось это сделать?

— Генерала Итонриада могли бы изолировать, — подтвердил Кристиан.

А я продолжила:

— А аэра Валенсия бы управляла капиталом, так как является наследницей. И волки сыты, и овцы целы.

Меня зазнобило, настолько стало противно: «Надо же, какая продуманная мадам, решила оговорить генерала». А я не смогла бы его лечить, и у него не было бы шанса.

И что-то я прямо пожалела, что слегка её приложила, надо было наверняка, чтобы несколько дней в себя не приходила. Вот никогда не отличалась я кровожадностью, но, узнав про планы аэры Валенсии, не сдержалась.

— Кристиан, а кто управляет в доме, кто распоряжается прислугой?

— Аэра Валенсия, — ожидаемо ответил Кристиан, который, как я уже успела узнать, был немногословен.

Пришлось «вести допрос»:

— Я могу забрать у неё управление?

— Вы супруга, — снова коротко ответил дворецкий, из чего я сделала вывод, что теоретически — да, но вот практически — могут возникнуть сложности.

— Что для этого надо? — решила я задать вопрос в духе ответов Кристиана, но он, к моему удивлению, понял.

— Лучший вариант — если разэн Итонриад, подтвердит, но можно и без него.

Я молча стояла и ждала.

Наконец дворецкий соизволил объяснить:

— Вам надо поехать в банк и оставить там письменное распоряжение, но... — Кристиан неожиданно запнулся.

— Договаривай, — приказала я.

— Но разэн Итонриад может его отменить.

А я подумала: «Если узнает».

— Как мне добраться до банка?

— Я вам вызову извозчика, — произнёс Кристиан, посмотрел на меня, и я впервые увидела в его глазах что-то похожее на одобрение

— А разве у нас нет своего выезда? — удивилась я.

— Есть, конечно, — как мне показалось, даже с некоторой обидой сказал дворецкий, — но вдруг аэра Валенсия захочет выехать на прогулку.

— То есть я, жена разэна Итона, поеду на извозчике, потому что мачеха «захочет выехать на прогулку»? Ты серьёзно это сказал?

Кристиан всё ещё стоял с невозмутимым лицом, я так поняла, что это был его основной навык: что бы ни случилось, не терять спокойного лица. Но я прям чувствовала, как от него исходит растерянность.

— Значит, так, Кристиан, коляску — мне; к разэну Итонриаду никого не пускать; аэре Валенсии сказать, если спросит, конечно, что я поехала по делам, — высказала и подождала реакции дворецкого.

Похоже, он, как и Захарий, были отставными военными, потому как, услышав чёткий приказ, он сразу же перестал сомневаться, выпрямился, спокойно кивнул и пошёл его выполнять.

А в банке меня ждал сюрприз.

Глава 17

Немного страшно было выходить из дома. Здесь я уже более-менее всё знала, даже при-
выкла к людям, живущим в доме. Ну или не совсем к людям. А тут вышел — и перед тобой
большой, целый и незнакомый мир.

Но, как и в прошлой жизни, я знала, что никогда нельзя закрываться в маленьком ком-
фортном кружке. Как только ты перестал чувствовать дискомфорт, ты перестал развиваться.
А мне — уж не знаю, к сожалению или к счастью, — надо было расти и развиваться. Иначе
всё — ложись и помирай.

Даже несмотря на то, что я чувствовала доброжелательность и от Силли, и от Захария,
и даже от дворецкого Кристиана, всё равно всё это было до тех пор, пока они считали, что я
действую в интересах хозяина. Но каждый из них — я это чувствовала — мгновенно встанет
против меня, если я что-то сделаю не так.

Поэтому поездка в банк была не только попыткой взять под контроль финансы, но и
очередной проверкой моей способности адаптироваться.

Поэтому, вдохнув и выдохнув несколько раз, я вышла из кареты напротив входа в банк
и поднялась по ступеням.

На верхней площадке остановилась и огляделась. Банк, судя по всему, был солидный,
располагался в центре города на площади, посередине которой стоял большой памятник. Когда
я только подъехала, я была в таком состоянии, что даже не рассмотрела, что это за памятник.
Но сейчас, стоя наверху лестницы, разглядела.

Памятник изображал высокого, мощного, прямо очень мощного, с огромными плечами
и бычьей шеей мужчину. Он был обнажён по пояс. В руках у него был огромный, в половину
его роста, меч. Судя по всему, тяжёлый, потому что мужчина держал его двумя руками, и на
руках были искусно высечены из тёмного камня вздувшиеся узлами мышцы.

Лицо мужчины было обращено в сторону большой дороги, которая по прямой уходила
с площади; собственно, по ней я и приехала. Выражение лица было угрожающим, как будто с
той стороны должен был кто-то прийти, кого этот воин собирался встретить мечом.

Мне со стороны банка было не видно его лица, но я почему-то подумала, что если статуя
достаточно реалистична, то, скорее всего, в глазах у неё должны быть вертикальные зрачки.

Не может же быть такого, что только мой муж — дракон! Ну, вернее, все надеются, что он
дракон. Значит, это не заболевание и не отклонение. Возможно, здесь драконы — это норма.

Я почувствовала, как внутри снова возникает пустота, которая всегда предшествует
панике. Снова выдохнула и решила, что о драконах подумаю потом. Сейчас нужно решать
более насущные проблемы.

И вошла в банк.

На сберкассе он был мало похож. Внутри банк представлял собой не менее внушительное
зрелище, чем снаружи: чёрный камень и золото. Что ж, довольно распространённая цветовая
гамма для обозначения богатства.

Ко мне степенно, не спеша подошёл молодой человек.

Я по привычке всех продолжала считать людьми, но у меня было ощущение, что называть
людьми всех, кого я здесь встречала, было крайне опрометчиво. Просто для себя решила, что
до того момента, пока я не научусь разбираться, кто здесь человек, а кто нет, буду считать всех
людьми.

— Доброго дня, аэра. Чем могу помочь? — произнёс он.

И я вдруг поняла, что не знаю своей фамилии. Это был первый сюрприз.

— Аэра Оливия. Можете называть меня так, — мило улыбнулась я. — Я супруга генерала Итонриада.

— О, конечно! Аэра Оливия Хаарраэш, вас уже ждут! — неожиданно воспрянул молодой человек. — Прошу вас, аэра, следуйте за мной.

«Хаарраэш». Я подумала, что без стакана не выговоришь, но удивление демонстрировать не стала, хотя и не ожидала, что меня уже ждут.

— Я пришла, чтобы узнать состояние счёта и отдать распоряжение, — сообщила я.

Что за распоряжение я собиралась отдать, я не стала уточнять, потому что и сама пока не знала.

Внутри банка были расположены стойки, за которыми сидели клерки, но меня повели наверх по лестнице. Вскоре мы зашли в кабинет, который был не менее шикарен, чем оформление банка внизу, но оформлен по-другому: здесь всё было в камне и дереве. Признаюсь честно, такое оформление мне нравилось больше, хотя я ничего не имела против золота.

И вот за столом сидел... совершенно точно не человек. Я сразу поняла это.

Высокий, он казался бы толстым, но я, как специалист, много лет работавший с мышцами и телом, видела, что у него просто такое строение. Это была гора мышц. И он был совершенно не похож на банковского служащего.

— Доброго дня, аэра Хаарраэш, — пробасил он и кивнул проводившему меня клерку, отпуская его, и тот быстренько прикрыл дверь с той стороны.

А звук его голоса был настолько рокочущим, что не только у меня внутри что-то затряслось, но и хрустальные подвески на большой люстре под потолком тоже зазвенели.

Я пригляделась к табличке на столе. Там было написано: «Грейфэрн Игнорасш».

— Доброго дня, раэн Игнорасш, — сказала я, с удивлением услышав, как мой голос произнёс его имя явно с правильной интонацией и ударением.

На квадратном, совершенно ничего не выражающем лице мужчины появилась лёгкая улыбка, которая больше напоминала гримасу, потому что улыбка ему была явно несвойственна.

— Оливия, дорогая, — неожиданно сказал он. — Здесь нас никто не услышит, и нет смысла притворяться, что ты меня не знаешь.

Ещё сюрприз?

Глава 18

Я молчала, пристально глядя на мужчину. Он явно знал Оливию, но вот насколько близко — пока непонятно. Ошибиться было нельзя, и я подумала, что если он называет меня «дорогая», значит, между нами присутствовала некая фамилльярность, возможно, даже романтическая.

Что ж, будем играть.

— Откуда ты знаешь, что здесь нас никто не услышит?

Мужчина, который уже было напрягся, слегка расслабился.

— Я позаботился об этом, — сказал он.

А я решила спросить:

— А где разн Игнораш?

И вот здесь мужчина удивился:

— А он-то тебе зачем?

Я решила ответить как есть, вспоминая теорию, что правда, смешанная с ложью, всегда выглядит гораздо правдивее, чем что-то одно:

— Вообще-то, я к нему пришла.

Мне показалось, что этот ответ успокоил незнакомца:

— Он будет позже.

Внутри меня всё тряслось, мне казалось, что иду по канату над пропастью, но что-то было нечисто, и я это планировала выяснить. Почему-то мне казалось, что от этого зависит, выйду я из этого кабинета живой или нет.

— Как ты узнал, что я сегодня приду сюда?

— Признаться, я был удивлён, что ты не предупредила, но так совпало, что именно сегодня я здесь, — ответил мужчина уже не так напряжённо и тут же спросил: — Почему ты не выходила на связь?

— Я болела, — сказала я, лихорадочно соображая, как не выдать себя, потому как прозвучавшее «не выходила на связь» выходило за рамки моего понимания о романтических отношениях.

— Что ж, хорошо, что ты пришла в себя. Но ты должна знать, что канцлер недоволен, что задание ещё не выполнено.

«Канцлер? — подумала я. — Что ещё за канцлер?»

— А ещё более он будет недоволен, — продолжил мужчина, и голос его стал жёстче, — если я ему сообщу, что ты пыталась разорвать связь с супругом.

Я решила подыграть, вспомнив, в чём меня обвиняла Валенсия:

— Но я не желаю быть привязанной к инвалиду!

Мужчина склонился над столом, приблизив ко мне лицо:

— У тебя не может быть своих желаний, Оливия. Или ты забыла, что вся твоя семья ждёт твоего возвращения? И оно должно быть триумфальным.

У Оливии есть семья, которая где-то ждёт её возвращения? Чем дальше в лес, как в сказке, тем страшнее.

Ну, как говорится, не спросишь — не узнаешь. Поэтому я и спросила:

— И что мне теперь делать?

Судя по довольной улыбке, появившейся на квадратном лице мужчины, вопрос был правильным.

— Вот такой подход мне нравится, — сказал он. — Скоро будет приём во дворце.

— Насколько скоро? — спросила я, с ужасом понимая, что дело совсем нечисто.

— Дата ещё не объявлена, может быть, через два или три месяца. Скорее всего, приурочат либо ко дню рождения королевы-матери, либо короля. В любом случае твоего мужа, как героя войны, пригласят.

Интонация мужчины стала крайне неприятной, как будто он говорил о чём-то постыдном.

— Ты должна быть с ним и довести до конца то, зачем тебя сюда внедрили.

«Внедрили, — подумала я. — Знали бы вы, что у вас теперь двойное внедрение».

Моё молчание, видимо, было воспринято как недовольство, потому что сидевший напротив меня мужчина вдруг понизил голос и с явной угрозой произнёс:

— У тебя есть только два выхода. Либо ты делаешь то, зачем тебя сюда послали, и возвращаешься домой. Либо ты не возвращаешься домой. И ты знаешь, что тогда будет.

Информация о родителях оказалась ещё одним сюрпризом.

— Я поняла тебя, — осторожно ответила я, замерев от страха, что не могло не отразиться в голосе, но похоже, что такой реакции мужчина как раз и ожидал.

— Все инструкции и артефакты тебе передадут, когда придёт время. А сейчас, будь добра, не осложняй ситуацию с супругом. Он не должен в тебе сомневаться.

«Ну хоть в чём-то наши желания совпадают», — подумала я и кивнула.

Мужчина замолчал. Какое-то время изучал меня тяжёлым взглядом и неожиданно спросил:

— А что с тобой произошло, Оливия?

— Общее недомогание, — попыталась отделаться я пространной фразой и добавила для пущей важности: — Лекарь называл, но я не запомнила.

— В целом, я всё сказал, — произнёс незнакомец, имени которого я так и не узнала.

И он, видимо, ожидал, что я сейчас встану и уйду, но я не затем приехала в банк, поэтому я осталась сидеть.

— Что-то ещё? — спросил он.

— Да. Мне нужно поговорить с управляющим банком.

На его лице возникло удивление:

— Ну, ладно, я, признаться, думал, что ты пошутила. Я приглашу его.

Он встал, но не торопился уходить. Подошёл ко мне, резко дёрнул меня со стула, по-хозяйски обнял, вглядываясь в моё лицо.

— Что-то в тебе не так, — произнёс он.

Я заметила, что ноздри его стали раздуваться, как будто он вдыхал мой запах.

— Что-то не так. Но я не пойму что.

Я молчала. И вдруг его пальцы впились мне в талию почти до боли. И я ощутила его запах — тяжёлый, ощущавшийся горечью на языке: табак и кофе.

— Может, вспомним былое, Оливия? — Голос его вдруг стал низким, обволакивающим.

Ну ничего себе заявочки! Впрочем, былое — значит, всё это в прошлом. Уже легче.

— Нет, — надеясь, что получилось кокетливо, а не трусливо, улыбнулась я. — Не будем мы ничем трясти. Пригласи раэна Игнорасша. Доделаю свои дела и поеду в дом к супругу. — И на всякий случай добавила: — Надо постараться отношения восстановить. А то не возьмёт он меня с собой на приём.

Мужчина, как мне показалось, с сожалением от меня оторвался.

— Ну ладно, как хочешь, моё дело — предложить; а ты, если устанешь обхаживать инвалида, знаешь, где меня найти.

Мне хотелось схватиться обеими руками за голову. Я знаю, где его найти. Задание. Внедрение. Артефакты. Родители. Это уже было не просто попадание, а попадание в какой-то шпионский детектив.

«Оля, куда ты попала?» — спросила я сама себя.

Но память Оливии молчала.

Глава 19

— Аэра Хаарраэш? — раздался приятный мужской голос.

Я вздрогнула и только тогда поняла, что уже несколько секунд сижу в кресле, глядя в одну точку, а в кабинете уже появился другой мужчина. Высокого роста, с круглым лицом, полный. Почему-то я была уверена, что он не дракон. И мне сразу стало легче дышать. А вот насчёт предыдущего незнакомца — я не поняла, кто он.

— А-а где?.. — предприняла я попытку собрать информацию, и на этот раз она оказалась успешной.

— Барон Страдард уже уехал, — сообщил мне вновь пришедший и сел за стол, привычным жестом поправив табличку.

— Раэн Игнорасш? — на всякий случай спросила я.

— Да, аэра. Барон передал мне, что вы хотели со мной поговорить. Я вас слушаю.

«Ну славно, хотя бы этот оказался банкиром».

— Раэн Игнорасш, я пришла узнать состояние счёта моего супруга и отдать распоряжение о переводе управления на себя.

Как только я это сказала, на лице мужчины что-то неуловимо изменилось. И он произнёс:

— Информацию по счёту мы вам дать, безусловно, можем. Но вот принять ваше распоряжение — к сожалению, нет.

Я сделала удивлённое лицо:

— Почему?

— Дело в том, что ваш супруг некоторое время назад подписал генеральную доверенность на управление счётом вдове своего отца, аэре Валенсии Хаарраэш. И первое, что сделала аэра Валенсия, — она убрала вас из списка тех, кто может распоряжаться счётом вашего супруга.

Вот тебе и ещё сюрприз.

— Хорошо, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Решила не посвящать управляющего банком в наши семейные разборки. — Тогда назовите мне, пожалуйста, состояние счёта.

Мне протянули выписку; я с удивлением обнаружила, что могу читать и различаю цифры. Сумма выглядела огромной, но управляющий считал иначе:

— С момента, как ваш супруг передал управление финансами аэре Валенсии, счёт уменьшился почти вдвое.

«Ничего себе Валенсия с финансами управляется!»

— А что произошло? — Здесь мне даже не пришлось играть, я действительно удивилась.

— Дело в том, что, хотя и мы ограничили ежемесячный вывод средств со счёта, аэра Валенсия каждый месяц регулярно выводит максимально разрешённую сумму.

— И вам не показалось это странным?

— Показалось. Именно поэтому мы и ограничили вывод, — ответил управляющий банком.

— Пытались ли вы об этом сообщить моему супругу?

— Да, мы направляли письменное уведомление.

«Которое, разумеется, перехватила Валенсия», — подумала я.

— Что ещё необычного происходило в последнее время? — спросила я.

— Ну, вы, наверное, уже и сами знаете, что ежемесячные выплаты вам были приостановлены.

«Это хорошо, что у меня были ежемесячные выплаты!»

— А что сейчас на моём личном счёте? — Я решила, что наверняка и мой счёт в этом же банке.

Моё предположение оказалось верным.

— У вас на счету осталась тысяча динариев. Боюсь, что этого не хватит даже для оплаты стоимости хранения депозитария. Поэтому я бы хотел попросить вас пополнить счёт.

Я молчала, думая о том, что теперь я знаю, как называется местная денежка, а ещё у меня что-то хранится в депозитарии, и неизвестно, он мне вообще нужен или можно от него отказаться. И у меня возник резонный вопрос: почему на счету так мало денег?

Но спросить я не успела, потому что, видимо, управляющий принял моё молчание за состояние крайнего изумления и неожиданно предложил:

— Мы можем дать вам отсрочку. Но не больше чем на три круга.

— Я была бы вам признательна, — сказала я, подумав, что раз пока ничего не надо платить, пусть депозитарий остаётся. И надо бы выяснить: три круга — это много? — А можно ли больше? — не удержалась я и улыбнулась.

Управляющий прочистил горло и, поджав губы, хмыкнул. Я уже думала, что откажет, но он снова поправил табличку с именем и кивнул:

— Учитывая все обстоятельства, думаю, что да, можем увеличить отсрочку до четырёх кругов.

— Благодарю, и ещё... Могу ли я взглянуть на содержимое депозитария? Давно не заглядывала, — улыбнулась я, — не помню, насколько важно мне его сохранять.

— Да, конечно! — сразу принял деловой вид Грейфэрн. — У вас же есть с собой ключ? Конечно, никакого ключа у меня с собой не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.